Кати Итрус

Возраст по-итальянски, или

МНЕ ПОКА ЕЩЁ...

Kati Итрус

Возраст по-итальянски, или Мне пока еще...

«Автор»
2026

Итрус К.

Возраст по-итальянски, или Мне пока еще... / К. Итрус — «Автор», 2026

Современный роман с юмором, нежностью и философскими размышлениями о возрасте, женской привлекательности, иллюзиях, любви к себе и о том, что иногда самое главное свидание — это свидание с собственной жизнью.Героиня привыкла думать, что её лучшие годы остались позади, а любовь, красота и лёгкость — удел молодых, смелых и безупречных.Но жизнь в Италии неожиданно подбрасывает ей встречи, ситуации и испытания, которые заставляют пересмотреть всё: отношение к возрасту, телу, мечтам, мужчинам и самой себе.Это история о женщине, которая слишком долго жила вполсилы — и вдруг решила узнать, какой она может быть, если перестанет бояться собственной жизни.От автора: Все события происходят в жемчужине Италии - городе Неаполе.Я решила оставить книгу в бесплатном доступе — для всех, кому сейчас нужно немного солнца, юмора, итальянского настроения и ощущения, что жизнь продолжается.Читайте в удовольствие, делитесь впечатлениями и, если история откликнется, возвращайтесь к ней снова :-)

© Итрус К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. «Мне уже» или «Мне пока еще»? 5
Глава 1. Подготовка к поездке в Италию2 7
Глава 2 Неаполь и таксист, которому нельзя отвечать 11
Глава 3. Трафик на улицах Неаполя 15
Глава 4. Узкие улицы и белье 19
Глава 5. Общественная жизнь квартала 24
Глава 6. Неаполитанский дом и Красный бюстгальтер 27
Глава 7. Неаполитанские соседи 31
Глава 8. Тяжелый вес на третий этаж без лифта 34
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Kati Итрус
Возраст по-итальянски, или Мне пока еще...

Пролог. «Мне уже» или «Мне пока еще»?

Есть 2 фразы, которые могут незаметно сделать женщину либо уставшей, либо живой.
Первая — **«мне уже»**.
Вторая — **«мне пока ещё»**.
На первый взгляд разница между ними небольшая. Всего-то несколько слов.
Но если задуматься, то разница ОГРОМНАЯ!!!

Например, прислушайтесь:
- «Мне уже 50» — и плечи сами немного опускаются, взгляд гаснет, улыбка исчезает. Женщина будто заранее соглашается, что многое уже не для неё.

- «Мне пока ещё 50» — и за спиной словно вырастают крылья. В теле появляется сила, в глазах — свет, а впереди вместо пустоты, вдруг появляется дорога.

Хотя, это те же цифры.
Тот же паспорт.
То же лицо в зеркале утром.
Те же морщинки у глаз,
Тот же опыт за плечами. Те же ошибки, которые уже не хочется повторять. Те же мечты, которые просят воплотить их в жизнь.
Но смысл другой!!!
Потому что «мне уже» смотрит на жизнь как на опоздание. А «мне пока ещё» — как на продолжение.
Стоит только поменять всего одно слово — и меняется не возраст, а ощущение жизни.

В России женщина очень рано знакомится с этим строгим **«уже»**. Женщина ещё не успела понять, чего хочет сама, а ей уже выдали список того, что она якобы должна была успеть.
Это слово «уже» липнет к женщине, как мокрое платье. Она идёт в нём на работу, встречается с подругами, покупает себе одежду, думает о любви, смотрит на себя в зеркало: — Мне уже 25, а я не замужем. — Мне уже 30, а детей нет. — Мне уже 35, а я всё ещё ищу себя. — Мне уже 40, а я хочу начать заново. — Мне уже 45, а мне всё ещё хочется любви. — Мне уже 50, а я хочу быть красивой. — Мне уже 60, а я хочу учиться. — Мне уже 70, а я хочу танцевать.

«Мне уже» — это фраза женщины, которую поставили перед невидимой комиссией.
Комиссия строгая - все важные фигуры в твоей жизни с громкими голосами:
- Почему не замужем? - Почему развелась? - Почему нет детей? - Почему всего один ребёнок?
- Почему много детей? - Почему не сделала карьеру? - Почему сделала карьеру, а дома не идеально? - Почему поправилась? - Почему похудела? - Почему ярко оделась? - Почему забросила себя? - Почему устала? - Почему хочешь большего? Окстись, ведь тебе уже

И каждое это «уже» отрезает будущее, потому что звучит как маленький приговор

Как будто жизнь — это поезд, который ушёл строго по расписанию, а женщина опоздала Опоздала потому что:

- слушала всех, кроме себя;
- верила, что сначала надо выполнить все «надо», а уже потом — хотеть;
- пыталась одновременно быть хорошей дочерью, хорошей женой, хорошей матерью, хорошей сотрудницей;
- ждала «вот сначала похудею, сначала заработаю, сначала разберусь, сначала стану лучше»;
- боялась ошибиться и в итоге не начала.

И осталась женщина стоять на перроне с чемоданом чужих ожиданий и думать, что если не успела по расписанию общества, значит, опоздала вообще. Хотя, может быть, её настоящий поезд ещё даже не пришёл Ведь иногда лучший поезд — это не тот, который ушёл, а тот который выбираешь себе сама!

И возраст — это не только то, сколько прошло.

Возраст — это ещё и то, сколько ты разрешаешь себе впереди.

«Мне уже» закрывает дверь.

«Мне пока ещё» оставляет её открытой.

«Мне уже» часто рождается из страха.

Страха не успеть. Страха быть осуждённой. Страха остаться одной. Страха оказаться неправильной. Страха, что жизнь других выглядит красивее и легче. Страха, что успех выдавали раньше, а я пропустила раздачу.

А для новой жизни женщине нужно совсем немного.

Не чудо. Не идеальные обстоятельства. Не одобрение всех родственников. Не отсутствие страха.

А одна маленькая фраза, сказанная себе утром: **«Я живая и Я пока ещё могу!».**

Глава 1. Подготовка к поездке в Италию2

Итальянский Марина знала на уровне «в кафе не умру, но в налоговой лучше молчать».

Этот язык ей нравился ещё с детства, когда по радио крутили Аль Бано, Тото Кутуньо, Челентано, а она, не понимая ни слова, была уверена: люди, которые так красиво поют, точно знают что-то важное о жизни.

По-настоящему учить итальянский она начала уже после того, как её дочь Лиза уехала учиться в Неаполь. К тому времени Марина развелась с мужем и осталась в квартире одна — без привычного семейного шума, зато с большим риском застрять между диваном, холодильником и телевизором.

Чтобы не провалиться в депрессию, она записалась на онлайн-курсы, купила самоучитель, скачала приложение и каждый вечер мужественно воевала с артиклями, глаголами и собственной тоской.

Иногда ей казалось, что она учит не язык, а новый способ жить. Итальянский стал для неё маленькой лестницей из той ямы, куда после развода так легко провалиться, если по вечерам не занять руки, голову и сердце чем-то живым.

Buon giorno — **Буон джорно** — Добрый день. *Grazie* — **Грацие** — Спасибо. *Posso* — **Поссо** — Я могу. *Ancora* — **Анкора** — Ещё.

Вот это «**Анкора»** ей нравилось больше всего. «Ещё. Пока ещё. Значит, не всё закончилось, и жизнь продолжается!»

И также в свою тетрадку она выписала важное слово:

Aiuto — А**ю́то** — Помогите.

Она его даже подчеркнула. На всякий случай. Всё-таки она ехала в Неаполь

Марина всегда считала себя женщиной разумной.

Не трусливой, нет. Именно разумной. Разница принципиальная.

Трусливая женщина боится летать на самолёте и стесняется в этом признаться.

А разумная женщина боится летать на самолёте, открыто об этом сообщает и выбирает поезд. Потому что поезд хотя бы едет по земле. Если что — можно выйти, вдохнуть воздух, купить пирожок и сделать вид, что упустить поезд на этой остановке, так и было задумано изначально.

С самолётом такой номер не пройдёт! На высоте одиннадцати километров внезапное «я передумала» выглядит уже не как каприз пассажирки, а как заявка в экстремальный спорт. А к парашютистам Марина себя не относила. Она уважала этих людей, но издалека. Очень издалека. Даже смотреть на их прыжки она могла только с закрытыми глазами.

— Мам, ты понимаешь, что самолётом всего 3 часа и ты в Неаполе? — говорила ей дочь по телефону за неделю до отъезда.

— Я понимаю, — с достоинством отвечала Марина. — Именно поэтому я и не лечу. Слишком быстро. Организм не успевает осознать, что с ним происходит. Нужно постепенное осознание, что я меняю страну, климат, язык, и, возможно судьбу!

- Но ты будешь ехать очень долго! Сначала поезд, потом другой поезд, потом автобус и ещё поезд.

— Зато это психологически плавно. Сначала я ещё дома. Потом уже не совсем дома. Потом где-то между. Потом Европа. Потом Италия. Организм успевает смириться.

— Организм у тебя, конечно, с характером.

— Весь в меня.

Лиза посмотрела на неё через экран тем самым взглядом, которым взрослые дочери смотрят на матерей, когда уже поняли, что переубеждать бесполезно, но всё равно пытаются — из чистого научного интереса.

— Мам, ты едешь не в экспедицию на край света, а ко мне, — сказала Лиза по видеосвязи, одновременно держа в зубах карандаш, в одной руке линейку, а другой пытаясь приклеить к макету миниатюрную стену.

На экране за её спиной царил творческий беспорядок: обрезки картона, куски ткани, чертежи, стаканчики из-под кофе и что-то деревянное, похожее то ли на лестницу, то ли на скелет большой рыбы, в общем нечто концептуальное, понятное только студентке факультета по дизайну интерьеров.

Марина сидела на своей кухне перед ноутбуком, рядом с чашкой чая, блокнотом со списком вещей и открытым чемоданом, в котором уже лежали тёплые носки, гречка, шоколад, лекарства «на всякий случай» и почему-то маленькая отвёртка.

— На край света я бы, может, и полетела, — с достоинством сказала Марина. — Там хоть понятно: край. Прилетел, посмотрел вниз, сказал: «Да, действительно, край».

А самолёт — это когда тебя сажают в алюминиевую колбасу, закрывают дверь и говорят: «Расслабьтесь! Мы в бескрайнем небе»

Расслабиться можно в ванной, на диване или после зарплаты. Но не тогда, когда тебя добровольно-принудительно поднимают на десять километров вверх над Землей и предлагают доверить жизнь крыльям, двигателям и неизвестному человеку в кабине.

Лиза вытащила карандаш изо рта.

— Мам, это называется самолёт.

— Для тебя самолёт. Для меня — это НЛО!!! В нормальном транспорте, если тебе стало плохо, ты можешь выйти. В автобусе — выйти. В поезде — выйти. В трамвае — выйти. А в самолёте что? «Извините, остановите у ближайшего облака»?

— Мам, самолёт не останавливается у облаков. Он постоянно в движении!

— Поезд тоже постоянно в движении, но при этом он не взлетает в небо с моим организмом внутри!

Лиза вздохнула и приклеила стену. Стена тут же покосилась.

— Мам, миллионы людей летают каждый день.

— Миллионы людей каждый день едят фастфуд, берут кредиты и пишут бывшим после бокала вина. Это не значит, что надо повторять.

— Ты невозможная.

— Я осторожная. Это разные вещи.

Лиза обреченно махнула рукой, признавая своё поражение в споре с матерью. От движения воздуха её макет интерьера развалился и с горя она хлебнула несколько больших глотков кофе.

— У тебя макет разваливается, потому что ты употребляешь кофе вместо нормального супа, - нравоучительно изрекла Марина.

— Мам, пожалуйста, не начинай родительскую суповую политику. У меня сессия.

— Вот именно. Сессия. Ты истощена. Я везу гречку.

— Мам!

— Что «мам»? Гречка — это не еда, это кладезь витаминов для ослабленного учебой организма.

Лиза закрыла глаза.

— Только не говори, что ты ещё консервы повезёшь.

Марина выразительно промолчала.

— Мам?

— Лиза, малиновое варенье само себя не привезёт!

Лиза выразительно закатила глаза.

— Не драматизируй. Две баночки. Маленькие. Почти сувениры.

— У людей сувениры — это магниты.

— Магнит не кормит.

Лиза хотела что-то ответить, но у неё за спиной с грохотом упала деревянная конструкция.

— Всё, — сказала она трагическим голосом. — Профессор Ринальди меня убьёт. Я погибну не от голода, а от архитектурной неустойчивости.

— Вот видишь, — сказала Марина. — А ты мне про самолёт. У вас там, в дизайне, тоже всё падает. Только ниже.

— Мам, самолёты не падают.

— Лиза, не произноси при мне эту фразу. У меня от неё левый глаз начинает дергаться.

Дочь снова рассмеялась.

— Ну хорошо. Допустим, поезд. Но почему с такими пересадками? А если поезд задержится?

— Значит, я посижу на вокзале.

— А если опоздаешь на пересадку?

— Возьму другой поезд.

— А если потеряешься?

— Включу навигатор и пойду пешком. Я в институте в турпоходы ходила, умею ориентироваться в пространстве!

— Ну что ж, к поездке в Италию ты полностью готова! :-)))

— Да! Я же не безответственная дамочка. Я даже самый главный вопрос туриста знаю:

D*ovè il bagno?* - **Довэ иль баньо?** — Где туалет? Эту фразу Марина считала важнее, чем «Где музей» и «Как пройти к достопримечательностям». Музей может подождать. А вот туалет — не всегда.

Лиза расхохоталась: — Мам, я тебя обожаю.

— Это хорошо. Запомни это чувство, когда я начну наводить порядок в твоей квартире.

— Нет! — Лиза резко прекратила смеяться. — Ты приезжаешь в гости, а не с санитарной инспекцией.

— Я мать. Это почти одно и то же.

— Мам!

— Хорошо-хорошо. Я ничего не буду трогать.

— Правда?

— Почти ничего.

— Мам!

— Лиза, я женщина пятидесяти лет. У меня есть жизненный опыт, тревожность и тряпка в зоне досягаемости. А порядок, между прочим, успокаивает нервную систему, поэтому беспорядок должен понимать: он связался не с той женщиной.

Лиза хотела возразить, но посмотрела на часы и вскрикнула:

— Всё, мне пора! Я опаздываю к ребятам, мы доделываем презентацию. Мам, пожалуйста, когда приедешь на вокзал в Неаполе, возьми только официальное такси. Только с шашечками. С лицензией. Не садись к первому встречному харизматичному мужчине, который скажет «синьора, дешево».

— Лиза, я разведённая женщина, а не героиня криминальной хроники.

— Вот именно поэтому я и предупреждаю.

— Очень смешно.

— И пристегнись в такси.

— В такси-то зачем? Это же не самолёт!

Лиза посмотрела в камеру серьёзно.

— Мам. Это Неаполь.

Марина хотела сказать что-нибудь уверенное, например: «Да что мне ваш Неаполь, я в девяностые на маршрутках ездила». Но дочь произнесла слово «Неаполь» так, будто речь шла не о городе, а о живом существе с темпераментом, мотороллером и сомнительным отношением к правилам движения.

— Хорошо, — сказала Марина. — Пристегнусь.

— И не разговаривай с таксистом! Хотя даже если ты будешь молчать, он всё равно будет говорить. Италия — это страна, где молчание считается не отсутствием разговора, а приглашением говорить дальше.

- Ну да, я знаю, что в Италии диалог — это монолог того, кто первым успел открыть рот.

- Вот именно, - смеясь подтвердила Лиза.

— Всё, иди к своему людоеду Ринальди. Я справлюсь.

Когда экран погас, Марина ещё несколько секунд сидела перед ноутбуком и смотрела на своё отражение в тёмном стекле экрана.

Пятьдесят лет. Развод за спиной. Дочь в Неаполе. Чемодан открыт. Гречка упакована. Маршрут выбран.

Марина вздохнула, взяла список вещей и дописала внизу крупными буквами:

Взять ЗАРЯДКУ И ДОКУМЕНТЫ. Потом подумала и добавила:

ПРИСТЕГНУТЬСЯ В ТАКСИ.

На всякий случай.

Глава 2 Неаполь и таксист, которому нельзя отвечать

Лиза училась в Неаполе на дизайнера интерьеров и находилась в последних днях экзаменационной сессии. Это период, когда слова ещё чуть-чуть поправить макет означают: спать никто не будет.

— Я тебя очень люблю, — сказала Лиза утром в день приезда, — но встретить не смогу. У меня назначена защита проекта в четыре.

— Ничего, — сказала Марина, хотя внутри у неё уже начал собираться маленький женский совет тревоги. — Я взрослая женщина. Мне 50 лет. Доехала до Италии на перекладных — неужели проиграю последним четырём километрам?

— Мам, ты помнишь, что садиться нужно только в официальное такси? Оно обязательно белого цвета и на дверях машины должен быть размещён герб города Неаполя.

— Я похожа на женщину, которая сядет в неофициальное?

Лиза промолчала. Это было обидное молчание.

— Я, между прочим, в девяностые ездила на маршрутках, где водитель одной рукой рулил, другой пересчитывал сдачу, а третьей, видимо, крестился. Так что не надо меня пугать итальянским такси.

— Мам, — осторожно сказала Лиза, — это Неаполь. И не забудь пристегнуться!

Марина фыркнула. Она была женщиной большого жизненного опыта. У неё были взрослые дети, ипотека в прошлом, ремонт на кухне, бывший начальник-психопат и свекровь с истеричным характером. Никакой Неаполь её не испугает!!!

Через несколько часов, выйдя из поезда на Центральном вокзале Неаполя (Napoli Centrale), Марина поняла, что, возможно, слегка переоценила свою психологическую стойкость.

Неаполь не встречал. Неаполь налетел.

Он не сказал: «Добро пожаловать». Он сказал: «А ну-ка, дорогая, держи сумку крепче, смотри под ноги, не стой на проходе, кофе будешь, такси надо, куда идёшь, синьора, осторожно, скутер!»

Вокзал гудел, двигался, жестикулировал, кричал, смеялся, катил чемоданы, целовался, ругался в телефон и пах одновременно кофе, выпечкой, пылью, духами, жареным тестом и чем-то морским, хотя моря Марина пока не видела.

После долгой дороги с пересадками её лицо выражало сложную смесь победы, усталости и желания немедленно принять горизонтальное положение. Но предстояла ещё поездка на такси.

С трудом протащив чемодан через вокзальную толпу, Марина вышла к стоянке машин.

— Такси, синьора? — тут же спросил мужчина в тёмных очках.

Марина прищурилась. Машина была белая и с шашечками. На двери имелась надпись с гербом города. Сам мужчина улыбался во все тридцать два зуба, демонстрируя весь жар южного гостеприимства.

— Кванта коста? (= Сколько стоит?) — осторожно спросила Марина, мысленно похвалив себя за итальянский.

Вообще-то правильно было «Quanto costa — Куанто коста?», с четким финальным О в первом слове, но в русском языке безударное О произносят как А. Так и появляется акцент: мы автоматически применяем правила родного языка к иностранному.

И чтобы избавиться от акцента, надо тренировать ухо, язык и терпение:

- Ухо должно услышать разницу,

- Язык — согласиться её повторить,

- а Терпение — не уйти в отставку после третьей неудачной попытки.

Важно понять: иностранный язык начинается не только в учебнике. Он начинается в мышцах лица, в губах, в языке, в другой манере открывать рот и произносить звуки.

Нужно много раз сказать одно и то же слово вслух, меняя свои привычки. Разрешить себе звучать непривычно. Потому что иногда человек держится за родное произношение не из-за лени, а потому что боится потерять привычное ощущение себя.

Произношение – это как танец. Мало знать шаги — надо поймать ритм. Иначе вроде бы всё правильно: слова выучены, фраза построена, смысл понятен. Но итальянцы всё равно слышат, что танцуешь ты пока под русский марш.

Таксист оживился так, будто она спросила не цену, а попросила рассказать историю его семьи до седьмого колена.

- Зависит от района. Неаполь большой, синьора моя! Вам куда? Чентро? Вомеро? Кьяйя? Позиллипо? Фуоригротта?

Районы Неаполя посыпались на Марину так быстро, будто таксист не спрашивал адрес, а сдавал экзамен по географии перед строгой русской комиссией.

Женщина молча, чтобы не ошибиться в произношении и не уехать случайно в другой конец города, показала адрес в телефоне.

Таксист наклонился, посмотрел и присвистнул.

Марина насторожилась, она знала, что в Неаполе таксист может присвистнуть по множеству причин. Далеко. Высоко. Узко. Пробки. Район с характером. Сложно подъехать. Негде припарковаться. Или, наоборот, район дорогой и престижный — но это, судя по Лизиным рассказам о съёмной квартире, был явно не их случай.

— Хорошая зона, — улыбнулся таксист. — Настоящий Неаполь!

— Ох, — вздохнула Марина. — Значит, там меня ждут бельё над головой, мотороллеры под ногами, соседи в каждом окне и полное отсутствие личного пространства как концепции.

Последнюю фразу своего возмущения она произнесла по-русски.

Таксист её не понял, но одобрительно засмеялся, как человек, которому понравился сам тембр иностранного раздражения.

—Прошу, синьора!

И распахнул перед ней дверцу такси с таким видом, будто приглашал не в машину, а в первый акт неаполитанской оперы. Таксист поднял чемодан и крякнул. Марина сделала вид, что всё нормально и вежливо пояснила:

- Это подарки для моей дочери.

Чемодан был тяжёлый. В нём лежали не просто подарки для дочери, а полный комплект материнского спокойствия: гречка, три упаковки «настоящего чая», две банки варенья, банка

мёда, русский шоколад, сухофрукты, пачка печенья «к чаю», ещё одна пачка печенья «если придут гости», и третья — потому что первая и вторая могли закончиться в непредвиденных обстоятельствах.

Отдельно, завёрнутый в полотенце, лежал маленький чайный сервиз на две чашки.

Лиза просила ничего хрупкого не везти. Марина согласилась и привезла хрупкое.

Потому что между «Я тебя услышала» и «Я ж мать» не было диалога. Там было лобовое столкновение, в котором победило твердое желание спасти взрослую дочь от жизни в которой нету нормального сервиза. А вдруг он ей когда-нибудь пригодится?

Еще в чемодане, конечно, была аптечка, размером с полевой госпиталь: таблетки от головы, от живота, от простуды, от аллергии, от температуры, от «что-то я не пойму из-за чего мне нехорошо», пластырь, бинт, перекись, градусник, витамины, уголь и конечно мазь «от всего». Ею мазали ушибы, укусы, колени, спины и душевные раны.

А сверху, поверх аптечки, лежали тёплые, точнее ОЧЕНЬ теплые носки. А вдруг на жаркий Неаполь обрушиться северный циклон?!!

Марина положила также кухонное полотенце, фонарик, батарейки, отвёртку, рулетку (дочери пригодится в учебе), маленький набор ниток, иголку, наперсток, ножницы разных размеров и пакет с пакетами, потому что нормальная женщина без пакета с пакетами в чужую страну не едет!

А также была ещё маленькая банка горчицы — не потому что нужна, а потому что место оставалось, а пустое место в чемодане русской матери не имеет права на существование!

Таксист с усилием загрузил чемодан в багажник и выпрямился, держась за поясницу.

— Русские мамы сильные! Они везут всё: еду, одежду, лекарства и даже маленький холодильник.

Русская мама была отдельной категорией пассажиров, официально признанной неаполитанским транспортным сообществом :-)

Марина поняла не всё, но слово Фригориферо «**frigorifero»** Холодильник — уловила.

— Я холодильник не везу, — сухо сказала она. — Но мысль была.

Таксист снова засмеялся, торжественно захлопнул крышку. Машина вздрогнула и заметно просела.

И тут началось путешествие

Глава 3. Трафик на улицах Неаполя

Слово «поехали» к тому, что произошло дальше, подходило слабо.

Машина не поехала. Она влилась в бурлящий поток, где каждый участник движения имел личное представление о правилах и немедленно сообщал об этом миру — сигналом, жестом, взглядом и выражением лица человека, которому все почему-то мешают ехать правильно.

Марина пристегнулась сразу.

Потом проверила ремень ещё раз.

Потом обнаружила, что вцепилась в ручку двери как утопающий в спасательный круг, хотя формально находилась на суше, в машине, в центре европейского города. Неаполь только снаружи выглядел цивилизованным, а изнутри жил по древнему правилу: кто громче сигналит, тот и прав.

Таксист умудрялся делать четыре дела одновременно:

- разговаривать с Мариной,
- махать знакомому в соседней машине,
- сигналить скутеру, который возник сбоку,
- и слушать радио.

Пятым делом он, кажется, вёл машину, если это можно назвать вождением, а не попыткой проскочить между нельзя и ну очень надо.

При этом он выглядел абсолютно счастливым человеком, которому ничто не мешает жить. Даже встречное движение.

Марина же в это время делала одно: мысленно прощалась со всеми, кому не успела ответить в мессенджерах.

Таксист посмотрел на неё в зеркало заднего вида и, заметив её испуганное лицо, улыбнулся так, будто хотел успокоить ребёнка перед прививкой.

— Синьора, расслабьтесь! Сегодня в Неаполе спокойное движение.

— Спокойное? — шокировано переспросила Марина.

Перед ними три машины, автобус, мотоцикл и электросамокат пытались одновременно занять одну и ту же полосу. Причём каждый был уверен, что именно он имеет на неё историческое, моральное и, возможно, наследственное право.

— Да, спокойное, — кивнул таксист. — Только вечером в час пик бывает трудно. Машины стоят, скутеры летят, автобусы гудят, а пешеходы начинают верить в бессмертие.

А сейчас — нормально. Мы едем. Никто не столкнулся. Никто не вышел из машины. Никто не дерётся. Полиции нет. Скорая не приехала. Значит, движение на дорогах спокойное.

После этих слов Марина молча перекрестилась. Она не была особо набожной женщиной, но Неаполь быстро внушал веру даже атеистам.

Скутеры появлялись везде: слева, справа, сзади, спереди, из воздуха, из щелей между машинами — как стая механических ос. Один скутер пролетел совсем рядом, и Марина успела разглядеть за рулём женщину в шлеме, из-под которого выбивалась седая прядь волос. Пальцы с ярким маникюром уверенно лежали на руле, а у ног покачивался пакет апельсинов.

При этом лицо у неё было как у королевы, которая просто сегодня решила проехаться на скутере, потому что карету негде парковать. Её осанка говорила ясно: она была из тех женщин, которые не просят дорогу. Дорога сама должна догадаться и расступиться перед ней.

Марина завистливо вздохнула.

У итальянок, похоже, не было комплексов ни по поводу седых волос в сочетании с яркой одеждой, ни по поводу того, можно ли в их годы носиться по Неаполю на скутере.

А может, у них просто была какая-то тайная школа внутренней королевы, где женщинам с детства объясняли:

- седина не отменяет красоты,

- возраст не отменяет желания жить,

- а яркая одежда — это не вызов обществу, а настроение.

Эта женщина не боялась быть заметной. Не извинялась за своё место на дороге. Не сжималась, не втягивала голову в плечи и не пыталась угадать, кому она мешает.

Она просто ехала — красивая, уверенная, живая. Да с пакетом апельсинов и в шлепках, но это не мешало ей чувствовать себя Королевой.

Вот она — настоящая свобода: «Я есть. Я имею право».

Марина вдруг подумала, что она бы тоже хотела записаться в эту школу внутренней королевы. Если, конечно, туда принимают женщин, которые вместо короны пока носят с собой внутреннюю инструкцию с тревожной кнопкой: «Проверь, правильно ли ты всё делаешь?».

— Вы замужем? — вдруг спросил таксист.

— Разведена, — грустно сказала Марина.

Она приготовилась к сочувственному взгляду, к поджатым губам, к невысказанному: «Бедная женщина, не удержала своё счастье».

Но таксист вдруг просиял.

— Значит, свободная!

Он произнёс это так радостно, будто сообщил ей не семейный статус, а выигрыш в лотерею.

— Свободная, — повторила Марина по-русски. — Интересно, почему дома это звучит как диагноз: «С тобой что-то не так», а здесь — как праздник, который стоит отметить?

И Марина вдруг подумала, что, может быть, это слово вовсе не про потерю. Не про «кому ты теперь нужна». Не про пустое место рядом за столом.

Может быть, это просто дверь в жизнь, где после слова «разведена» не ставили точку. Где после него начиналось другое предложение: Я живая, взрослая, свободная и Я могу быть счастливой.

Таксист между тем продолжал:

— Вам лет пятьдесят?

Марина напряглась.

— Да.

— Молодая!

Она чуть не подавилась воздухом.

— Молодая?

— Конечно! Пятьдесят — отличный возраст. Уже не девочка, которая ждёт разрешения, и ещё не бабушка, которая всем даёт советы. Женщина уже всё понимает, но ещё может всех удивить.

Он подмигнул ей в зеркало.

— Поверьте, синьора, такая женщина мужчине интересна по-настоящему. С ней уже нельзя играть в глупые игры.

Марина кивнула.

Глупые игры она знала:

— загадочное молчание вместо ясного ответа;

— обещания вместо поступков;

— исчезновения и возвращения как ни в чём не бывало;

— пустые слова, которыми кормят женщину вместо реального выбора;

— образ загадочного героя, за которым скрывается обычная эмоциональная незрелость;

— манипуляции под видом сложного характера;

— холодность, которую ей предлагалось принять за глубину;

— навязывание ей роли удобной женщины, которая всё поймёт, всё простит, всё стерпит ради «любви».

В двадцать лет это казалось драмой.
В тридцать — любовью.
В сорок — судьбой.
А теперь всё чаще хотелось спросить:
«Мальчик, ты сам-то знаешь, чего хочешь?»

И вдруг Марина подумала, что, может быть, таксист прав.

В пятьдесят женщина уже не обязана доказывать, что достойна любви. У неё есть опыт, вкус, границы, раны и сила. Она уже многое поняла про жизнь и мужчин.

Теперь она могла спокойно посмотреть на мужчину и решить, достоин ли он её времени.

Таксист вдруг привёл пример, от которого Маринины представления о старости очень пошатнулись:

— Моей маме 77 лет. Она ходит танцевать. Каждую субботу. А отец ревнует!

— Ваша мама танцует в семьдесят семь? — переспросила Марина.

— Конечно! Отец ей говорит: «Мария, хватит!» А она ему: «Хватит — только когда умру».

Таксист захохотал.

Марина тоже невольно улыбнулась и подумала, что в России она в последнее время чаще слышала другое:

— Ну что ты хочешь, возраст. 50 — это уже не 30

— Надо беречь себя. Главное — здоровье.

— Начинать с нуля? В твоём возрасте? Тебе бы уже о спокойной старости думать.

— Не смеши людей.

— Куда тебе такие яркие цвета в одежде? Красная помада после пятидесяти — это неприлично!

— После пятидесяти надо выбирать классику. Почему-то под классикой всегда подразумевалось всё серое, бесформенное и настолько скучное, что в нём было невозможно не только влюбиться, но даже бодро выйти за хлебом.

— Надо быть реалисткой. Что обычно означало: «Сложи свои желания, мечты, платья, надежды, помады и прочие глупости в пакет и вынеси всё это к мусорным бакам. Аккуратно. Не привлекая внимания».

А тут, в Италии, женщина в 77 лет танцевала по субботам, доводила мужа до ревности и, судя по всему, не собиралась заранее складывать себя в коробку с надписью «поздно».

Возраст для неё был просто числом, после которого всё ещё можно было надеть красивое платье и танцевать.

Марина сидела в такси и чувствовала, как внутри неё тихо трещит старая конструкция: «поздно», «неприлично», «в твоём возрасте», «куда тебе».

Неаполь ломал эту конструкцию без всякой деликатности. Просто ехал по ней на красный свет.

Да, Неаполь был городом, который нарушал все правила поведения.

Но именно поэтому в нём было что-то живое.

Глава 4. Узкие улицы и белье

Машина свернула с широкого проспекта.

— Это был *corso [ко́рсо] = «проспект»*, — сообщил таксист, будто проводил ей экскурсию по иерархии неаполитанских дорог. — Если бы на нём был ряд деревьев, то он бы назывался *viale [виа́ле]*, т.е. «*проспект* поприличнее».

Марина кивнула. Проспект был широкий и красивый.

Потом машина свернула на обычную улицу.

— А это уже *via [вѝа]*, — продолжал таксист.

Улицу тоже можно было принять, хотя ширина проезжей части стала уже. Но машина свободно ехала, люди шли по тротуару, скутеры легко обгоняли такси по бокам.

Потом такси свернуло ещё раз.

— Теперь мы на *vico [вѝко]*, — сказал таксист.

Марина насторожилась. *Vico* оказался переулком. Стены приблизились так, что Марине было достаточно открыть окно, протянуть руку и коснуться стены дома. Тротуар для пешеходов стал понятием теоретическим: вроде бы где-то существовал, но доказать это было трудно.

Марина не успела ничего сказать, как машина свернула ещё раз.

На этот раз улица стала настолько узкой, что её трудно было назвать даже переулком! Это была щель между домами, которую по какой-то административной ошибке внесли в городскую карту. На стенах домов с обеих сторон тянулись тёмные полосы и царапины — следы, оставленные боковыми зеркалами машин.

— А это как называется? — спросила Марина с ужасом.

— *Vicoletto [виколѐтто]*, — радостно сказал таксист. — Совсем маленький переулочек.

Таксист притормозил, нажал кнопку, и боковые зеркала с тихим жужжанием сложились к дверям.

— Это не переулочек, — сказала Марина. — Это коридор для худых людей.

Такси медленно поползло вперёд. Слева была стена. Справа была стена. Марина даже перестала дышать, ей показалось, что если она вдохнёт, машина расширится и застрянет между домами.

— Мы не проедем, — прошептала она.

— Проедем, — спокойно сказал таксист. — В Неаполе главное — не ширина улицы, а уверенность водителя.

Марина посмотрела на расстояние между стеной и дверцей. Запаса уверенности там нужно было много, потому что свободного пространства было очень мало, не больше 2 см!!!

Марина закрыла один глаз. Она посчитала, что если смотреть одним глазом, машина станет уже, стена — дальше, а жизнь — легче.

Таксист, наоборот, смотрел сразу двумя глазами, но с таким спокойствием, будто вёл не такси между домами, а кораблик между двумя скалами в детской ванне.

Машина ползла. Не ехала — именно ползла. Медленно, осторожно, с достоинством крупной кошки, которая решила пролезть в слишком маленькую коробку и теперь принципиально доказывала миру, что размер — понятие относительное.

Машина слегка качнулась. Марина зажмурилась полностью.

Секунда.

Другая.

Третья.

Никакого скрежета не последовало.

Только где-то сверху хлопнула ставня, из окна донёсся женский голос, а совсем рядом, почти на уровне её плеча, промелькнул горшок с базиликом.

— Мы уже проехали? — спросила Марина, не открывая глаз.

— Почти.

Марина осторожно приоткрыла один глаз.

Стены всё ещё были рядом, но уже не стремились коснуться машины.

Наконец такси выкатилось на улицу пошире.

Таксист снова нажал кнопку. Зеркала раскрылись, как крылья у птицы, пережившей сложный перелёт. Марина выдохнула.

— Вот, — сказал таксист. — Видите? Неаполь любит смелых!

Марина обернулась. Узкая щель между домами выглядела совершенно невинно. Даже солнечно. Как будто минуту назад не пыталась превратить такси в консервную банку.

- Нет, Неаполь делает людей смелыми! – ответила Марина.

Она вдруг поняла, что в ней что-то изменилось.

Пять минут назад она была женщиной, которая боялась, что машина застрянет между домами.

А теперь она была женщиной, которая уже проехала между домами.

Разница казалась небольшой — всего несколько метров каменной щели, сложенные зеркала и один задержанный вдох. Но внутри это почему-то ощущалось как граница.

Они проехали.

Не застряли.

Не поцарапались.

Справились!

Для неё это стало знаком:

- можно бояться — и всё равно ехать;
- можно сомневаться в успехе — и всё равно достичь цели.

И если можно проехать через узкую щель, то, может быть, и в жизни так же?

Сначала кажется: не пройдёшь.

Не выдержишь.

Застрянешь между прошлым и будущим,

между страхом и желанием жить,

между «поздно» и «ещё можно»,

между старой версией себя и той, которая где-то внутри уже давно просится наружу.

А потом складываешь зеркала.

Задерживаешь дыхание.

Доверяешь дороге.

И вдруг оказываешься у цели.

Прежняя Марина осталась там, перед входом в узкий *vicoletto*: напряжённая, испуганная, думающая, что невозможно.

А новая Марина выехала на солнечную улицу: взволнованная, живая, впервые поверившая, что нет ничего невозможного!

Марина подняла глаза к небу, чтобы мысленно поблагодарить Бога за помощь на дороге,

но неба не было видно
его заслоняло постиранное бельё много белья разных цветов и размеров

Оно висело над улицей: между домами, балконами, окнами, ставнями и чьими-то цветочными горшками. Верёвки тянулись наискосок, по диагонали, параллельно, крест-накрест и ещё каким-то загадочным способом, который Марина мысленно назвала «неаполитанской геометрией».

Простыни, полотенца, футболки, майки, пижамные штаны, лифчики и огромные семейные трусы развевались на верёвках, как праздничные флаги на корабле.

Надписи на домах:

1. MEGLIO NA PIZZA CHE NA DIETA [мэ́льо на пи́цца ке на дье́та]

«Лучше одна пицца, чем одна диета».

2. SI LAVA IN CASA

[си ла́ва ин ка́за] Стирка — дело домашнее.

3. O SOLE, O CORE E A BIANCHERIA TRE COSE CHE NON POSSONO MANCARE MAI!

[о со́лэ, о ко́рэ э а бьянкери́я]

[трэ ко́зе ке нон по́ссоно манка́ре ма́й]

Солнце, душа (сердце) и чистое бельё

Три вещи, без которых в жизни никак нельзя! ----------

— Вы так сушите бельё? Прямо над улицей? — потрясенно спросила Марина.

— А где ещё? — удивился таксист. — Квартиры маленькие, балконы узкие, семьи большие, белья много.

Марина вдруг поняла, что её удивило не само бельё. Бельё было бельём.

Простыни, полотенца, майки, трусы — обычные вещи обычной жизни.

Её удивило, что здесь никто не делал вид, будто обычной жизни не существует.

В России бы нижнее бельё спрятали. Не обязательно из ханжества — скорее из привычки: личное должно быть невидимым. Неприлично показывать то, что относится к телу.

Неприлично быть слишком живой. Неприлично, чтобы чужой взгляд случайно узнал о тебе что-то человеческое.

А здесь всё висело на солнце. И трусы. И лифчики. И пижамные штаны.

И чьи-то полотенца с выцветшими ромашками.

Город не стеснялся своей бытовой стороны. Он как будто говорил: да, у нас есть тела, пот, стирка, семейные ссоры, обеды, дети, старость, любовь, усталость — и всё это тоже жизнь, а не повод закрыть шторы.

И, может быть, именно поэтому люди вокруг казались такими живыми и свободными: они с детства знали, что жизнь не обязана всё время выглядеть парадно.

Город словно разрешал человеку не стыдиться обычного.

Не делать из тела тайну, из возраста — поражение, из усталости — личную неудачу.

Марина смотрела на бельё и вдруг подумала: может быть, свобода начинается не с больших решений, а с маленького внутреннего разрешения.

Разрешения быть не идеальной!

С морщинками — и всё равно любимой. С усталым лицом — и всё равно живой. С изменившимся телом — и всё равно желанной. С возрастом — и всё равно полной света. С прошлым — и всё равно открытой будущему. С тревогами — и всё равно способной радоваться.

Глава 5. Общественная жизнь квартала

Такси продолжало двигаться по кварталу, где всё сильнее чувствовался дух настоящего — старого, шумного, неотредактированного Неаполя.

Марина с улыбкой смотрела на бельё, развешанное над улицей. Теперь эти разноцветные вещи, колыхавшиеся на ветру, уже не казались ей беспорядком. Они напоминали ей гирлянды к ежедневному празднику под названием «Красота обычного дня».

В Неаполе, похоже, не ждали особого случая, чтобы сделать улицу нарядной.

Просто жить – это уже достаточно веский повод для радости!!! И украсить можно тем, что есть у тебя под рукой. Проснулся, открыл окно, вывесил бельё — и мир стал ярче, а жизнь веселее.

В этом была какая-то простая, детская мудрость:

не жди, когда жизнь станет особенной, а сделай особенным то, что уже есть!

Марине очень нравилось наблюдать за людьми.

На одном балконе пожилая синьора поливала цветы и одновременно прохожих внизу, вероятно считая, что лёгкий душ им не помешает.

На соседнем балконе благообразный старичок с пышными усами энергично хлопал коврик старой плетёной выбивалкой, похожей на большую теннисную ракетку. Коврик был небольшой, но пыли из него вылетало неправдоподобно много.

Марина решила, что это, должно быть, не простой коврик, а семейная реликвия. Его, наверное, купила ещё бабушка этого синьора, а потом на нём успели постоять дети, внуки, соседи, сантехники, почтальоны, курьеры и половина квартала в пыльной обуви.

Каждый удар поднимал в воздух серое облачко, которое медленно всплывало над балконом, словно миниатюрное извержение Везувия, а потом величественно оседало обратно — на перила, на подоконник и на самого старичка. Тот смешно чихал, кашлял, недовольно морщился, но продолжал хлопать коврик — упрямо, ритмично, почти музыкально, с выражением лица человека, который не сдаётся ни пыли, ни возрасту, ни самому Везувию.

Из противоположных домов, по разные стороны узкой улицы, две женщины громко обсуждали последние события квартала. Разумеется, это были не сплетни. Как можно! Это был всего лишь обмен важной социальной информацией в целях общественной безопасности города!

Одна женщина высунулась из окна, держа в руке мокрую тряпку. Вероятно, она собиралась протереть стекло, но разговор внёс коррективы в хозяйственные планы. Другая, стоя на балконе напротив, развешивала бельё и ловко защёлкивала прищепки, не прерывая беседы ни на секунду.

Периодически они ахали, прикладывали руку к сердцу, возмущённо поднимали обе руки к небу, словно призывая в свидетели Мадонну, всех святых и Марадону до кучи.

Между ними проезжали скутеры, сигналили машины, кричали дети, но женщины не сдавались.

Они перекрикивали шум улицы так уверенно, что им позавидовал бы любой командир роты на утреннем построении.

Тем временем внизу, у маленького кафе, за тремя сдвинутыми столиками сидела группа мужчин. Перед ними стояли чашечки кофе, стаканы воды, лежала утренняя газета, и всё это вместе напоминало не кафе, а маленький уличный парламент.

Мужчины спорили громко, горячо, одновременно и все сразу, словно на них была возложена ответственная миссия — решить все проблемы мировой политики до обеда.

Один что-то быстро говорил, стуча пальцем по газете. Второй перебивал его, даже не дослушав.

Третий поднял руку вверх с величием сенатора. Четвёртый молчал, но так выразительно качал головой, что становилось ясно: он давно понял истину, просто остальные пока не готовы её принять.

Марина прислушалась. Сначала ей показалось, что они спорят между собой. Но через пару минут она поняла удивительную вещь: при всём накале страстей мужчины были абсолютно согласны в одном:

ВО ВСЁМ ВИНОВАТО ПРАВИТЕЛЬСТВО!!!

Кстати, транспорт тоже принимал участие в общественных дебатах.

Таксист коротко посигналил мальчику на мотороллере.

Мальчик посигналил в ответ.

Слева кто-то тоже подал голос.

Справа немедленно отозвались.

Сзади кто-то добавил свою ноту, как будто боялся остаться вне общего разговора.

Марина вдруг поняла, что клаксон в Неаполе — это не предупреждение. Это язык.

Им здоровались. Возмущались. Извинялись. Просили подвинуться. Выражали сомнение. Поддерживали беседу. Делали замечание. Давали понять: Я здесь. А возможно, иногда даже обсуждали философию, политические проблемы и свежесть рыбы на рынке.

— А в России водители должны использовать клаксон только в случае крайней необходимости, — сказала Марина. — То есть очень редко.

Таксист посмотрел на неё в зеркало заднего вида с таким искренним сочувствием, будто она сообщила ему о национальном трауре.

— Это грустно, синьора. Очень грустно. Так невозможно общаться!

— Просто сигналить без причины нельзя! – попыталась объяснять Марина.

— Хороший водитель всегда найдёт причину посигналить, — возразил таксист. — Вот, например, этот пешеход идёт слишком медленно. Надо его поторопить.

Он посигналил пожилому мужчине, который переходил улицу с хозяйственной сумкой на колесиках. Мужчина даже не ускорился, только величественно поднял ладонь, как король, принимающий приветствие народа.

— Видите? Он понял.

— Что понял? — удивилась Марина.

— Что мы его видим.

— Но он не ускорился!

— Ну это не важно. Главное мы пообщались!

Марина хотела возразить, но таксист уже посигналил скутеристу, который стоял в стороне от дороги, смотрел в навигатор и, по её мнению, вообще никому не мешал.

Скутерист, не оборачиваясь, поднял руку — то ли поблагодарил, то ли послал благословение, то ли сообщил что-то не для печати.

— Вот, — гордо сказал таксист. — Я помог ему выбрать дорогу.

— Скорее, это он указал нам кроткий путь на гору Кху-Ям! – ехидно заметила Марина.

— Правильно называется Везувий, — поправил её с умным видом таксист.

И посигналил ещё раз.

Слева немедленно ответили. Справа тоже.

Где-то сзади кто-то добавил протяжный сигнал, похожий на комментарий человека, который не согласен с формулировкой, но поддерживает тему разговора.

Марина вдруг замолчала.

Может быть, в этом и правда была своя логика. Очень шумная, нервная, совершенно невозможная для российской улицы — но логика.

Здесь люди не исчезали в машинах, не запирались в своих маленьких металлических коробках, не делали вид, что остальных не существует. Они постоянно сообщали друг другу: я здесь, ты здесь, мы оба не идеальны, оба торопимся, оба мешаем друг другу, но попробуем как-нибудь разъехаться и при этом остаться людьми.

В России, подумала Марина, дорога часто была местом молчаливой войны. Все сидели за стеклом, с каменными лицами, каждый в своей крепости, каждый прав, каждый обижен заранее.

А здесь никто не притворялся невидимым и слепым. Здесь ругались, сигналили, махали руками, ворчали, отвечали, но всё равно оставались в контакте.

Этот контакт был странным, громким, раздражающим, но живым.

Марина вдруг поняла, что неаполитанский хаос держится не на правилах, а на постоянном присутствии друг друга. На взглядах, жестах, голосах, сигналах, коротких выкриках, поднятых ладонях. Здесь все всё время напоминали: Я есть. Ты есть. Давай помнить об этом, пока проезжаем мимо.

Может быть, именно поэтому этот город не разваливался.

Он не был аккуратным.

Он не был удобным.

Он не был тихим.

Зато он не был равнодушным!

В Неаполе порядок рождался не из тишины, а из непрерывного общения.

Потому что равнодушная тишина иногда опаснее любого клаксонного хора.

Глава 6. Неаполитанский дом и Красный бюстгальтер

Через 20 минут такси свернуло во двор многоэтажного дома.

— Приехали, синьора! — объявил таксист с таким торжеством, будто не просто довёз пассажирку, а доставил ценнейший дипломатический груз — русскую маму с чемоданом — в целости и сохранности.

Марина сначала не поверила, что они доехали живыми.

Она всю жизнь боялась самолётов и считала, что поезд — это разумный выбор зрелой женщины: земля под ногами, рельсы и четкое расписание. Но после этой поездки на такси Марина впервые за много лет подумала о самолёте как о вполне безопасном средстве транспорта. Там, по крайней мере, все пристёгнуты, никто не выскакивает из-за угла на скутере; не сигналит в сантиметре от твоего уха; и не перестраивается в последний момент туда, где, по законам физики, уже нет места.

Марина хотела сказать таксисту «спасибо» спокойно и достойно, но голос вышел таким, будто она благодарила спасателя после эвакуации с горящего корабля.

Она почувствовала к таксисту благодарность, почти родственную, как к человеку, с которым вместе пережила стихийное бедствие и теперь, по-хорошему, надо с ним обняться, обменяться телефонами и каждый год, в этот день, поздравлять друг друга с Днём выживших в неаполитанском трафике.

Таксист, кажется, прекрасно понял, что в глазах Марины он теперь не просто водитель, а человек, которому по итогам поездки хотелось не заплатить, а вручить медаль. Стаж у него был большой: он сразу узнавал пассажиров, которые садились в машину туристами, а выходили людьми, переосмыслившими жизнь.

Он расплылся в улыбке и сказал:

— Пожалуйста, синьора! Это Неаполь. Первый раз всегда немного эмоционально.

— Сколько с меня? — спросила Марина. Таксист назвал сумму.

Марина заплатила и добавила сверху чаевые: после такой дороги это были уже не чаевые, а скромная гражданская замена медали за отвагу.

Марина вышла из машины и осмотрелась.

Дом, где Лиза снимала квартиру, был совершенно не похож на красивые картинки из журналов про старинную архитектуру Италии. Это был не palazzo **[палАццо] – не** дворец с мраморной лестницей; не благородный особняк с фресками на потолке; не то место, где в путеводителях пишут: «здесь останавливался какой-нибудь герцог, композитор или хотя бы незаконный сын короля».

Нет.

Это был итальянский condominio **[кондомИнио]**, а точнее старый неаполитанский caseggiato [**казэджАто**] - обычный жилой многоквартирный дом. Такие дома не строят, чтобы ими любовались с открытки. В них живут, ругаются, мирятся, сушат бельё, растят детей, стареют у окна и знают всех соседей лучше, чем собственных родственников.

Дом явно был старой постройки. Возможно, его основа помнила ещё довоенные времена, а может, под слоями штукатурки прятались стены и постарше. Глядя на него, трудно было понять, где заканчивался XIX век и где начинались послевоенные переделки. Его подновляли, достраивали, чинили после войн, дождей, семейных бедствий и обычной человеческой небрежности.

Дом был высоким, многоэтажным, с узкими вытянутыми окнами, облупленными ставнями, длинными балконами и тяжёлой входной дверью, потемневшей от времени, дождей и тысяч рук. Он не был красивым в журнальном смысле, но в нём чувствовалась плотная, упрямая жизнь.

Да, это была не та красота, которую фотографируют для обложки: отшлифованный фасад, ровные ставни, идеальный ракурс и ни одного лишнего предмета.

Здесь всё было лишним — и всё было на своём месте. Бельё на верёвках, облупленная штукатурка, старые перила, детский велосипед у стены, металлические стулья на балконах, пластиковые горшки с базиликом, чей-то забытый мяч, трещина возле подъезда, которую, кажется, давно уже перестали замечать.

Этот дом не пытался понравиться.

Он не кокетничал своей стариной, не притворялся благородным palazzo, не просил восхищения. Он просто стоял — высокий, немного уставший, шумный, тёплый, пропитанный голосами, запахами, ссорами, примирениями, воскресными обедами и вечерними разговорами из окна в окно.

Марина вдруг подумала, что такую красоту видишь не сразу.

В молодости, наверное, она бы только поморщилась: старые стены, облупленная краска, пятна, шум, бельё на балконах. Всё не так, всё некрасиво, всё требует ремонта.

Но с возрастом начинаешь иначе смотреть на следы времени.

Понимаешь, что не всякая трещина — разрушение. Иногда это просто доказательство, что дом долго стоял.

Не всякое пятно — грязь. Иногда это память о дождях, солнце, руках, жизнях, которые проходили через эти двери.

За облупленной краской проступала не запущенность, а возраст.

За пятнами на стенах — человеческая история.

За шумом — жизнь, которая не собиралась умолкать.

Дом был не безупречным.

Зато он был настоящим.

Он не украшал жизнь. Он её вмещал.

Он был не для обложки. Он был для людей.

Он не казался ухоженным. Зато был живым — и именно поэтому ему хотелось верить.

Марина стояла и смотрела на этот дом с неожиданным чувством.

Ей было 50.

В России это слово часто звучало как осторожный приговор: «уже 50». Уже пора быть скромнее. Уже поздно менять жизнь. Уже странно думать о любви. Уже нельзя краситься яркой помадой. Уже, уже, уже

А этот дом будто говорил совсем другое.

Не «уже старый».

А «пока ещё живой».

Здесь возраст не прятали.

Старость не убирали с глаз долой, как неудобную мебель.

Марина заметила на втором этаже пожилую женщину: невысокую, сухощавую, с серебряными волосами, подстриженными в короткое каре и уложенными мягкой волной, как у актрис из старых фильмов. Она стояла у перил и смотрела вниз так, словно отвечала за всё, что про-

исходит в этом дворе: кто пришёл, кто ушёл, кто поссорился, кто похудел, кто что купил и кто опять забыл закрыть дверь подъезда.

Рядом с ней на верёвке сушилось чёрное платье, кружевная шаль и... ярко-красный бюстгальтер!!!

Марина моргнула.

Красный бюстгальтер рядом с пожилой женщиной почему-то нарушал в её голове сразу несколько правил. Марина сама не знала, кто эти правила написал, но они сидели в её голове крепко:

- после определённого возраста женщине полагалось переходить на что-то удобное, незаметное и желательно нейтрального цвета, чтобы никто случайно не вспомнил, что у неё вообще есть тело;

- приличная пожилая женщина могла сушить только длинную фланелевую ночнушку, шерстяные носки и плотное хлопковое белье, телесных оттенков;

- после определённого возраста женщине положено стыдливо исчезать из категории «женщина» и переходить в категорию «бабушка».

Красный бюстгальтер явно был с этим не согласен!

Он спокойно, почти торжественно покачивался на ветру, словно маленький флаг личной независимости: не молодости даже, а просто права не становиться бесцветной

Этот маленький красный предмет говорил:

- Старость — не отмена женщины!

- Возраст – это не вычеркивание цвета. Не переход в бежевый режим, где всё должно быть скромно и незаметно.

- Женщина может быть седой — и всё равно любить красивое бельё.

- Женщина в любом возрасте может быть женственной, ухоженной и стильной.

Марина вдруг почувствовала, как внутри неё что-то тихо сдвинулось.

Может быть, жизнь после пятидесяти не обязана становиться серой, правильной и незаметной.

Может быть, можно стареть — и не исчезать.

Просто потому, что ты ещё живая.

Глава 7. Неаполитанские соседи

Таксист открыл багажник и потянул чемодан наружу. Но земное притяжение, помноженное на вес багажа, оказалось сильнее: чемодан отказался покидать машину.

Водитель пробормотал ему что-то убедительное по-итальянски, крякнул и всё-таки вытащил чемодан на свет Божий. Потом выпрямился, потер поясницу и посмотрел на багаж с уважением — как на противника, который сопротивлялся достойно.

Машина, избавившись от тяжести, заметно приподнялась, будто с облегчением вдохнула.

Таксист сел обратно, посигналил на прощание (без этого, в Неаполе никак нельзя!),

и исчез в транспортном потоке, где тут же начал кому-то объяснять жизнь с помощью клаксона и выразительных жестов из открытого окна машины.

На гудок такси из окон нескольких квартир выглянули люди.

Кто-то открыл ставню. Кто-то вышел на балкон.

На третьем этаже показалась женщина в жёлтом платье с полотенцем на плече.

На первом — мужчина в майке, с таким выражением лица, будто двор был его личной газетой, а Марина — свежей новостью на первой полосе.

На втором этаже, на балконе где висел красный бюстгальтер, продолжала стоять пожилая женщина, которую Марина успела заметить раньше. Женщина вдруг помахала ей рукой, приветствуя её. А потом сделала жест: «Минутку, подожди», — повернулась и ушла внутрь квартиры.

Тем временем соседи оживились и начали громко переговариваться между собой.

С верхнего этажа кто-то спросил: — Кто это?

— Мама Лизы! — откликнулись снизу. — Та самая русская мама? — уточнили сбоку. — Да-да, мама Лизы приехала! – подтвердили снизу.

— О! Какой огромный чемодан она привезла! – удивился мужчина в майке.

— Да, все мамы на свете везут детям только самое необходимое в самом большом чемодане, – с улыбкой ответила женщина в желтом платье.

Марина поняла, что её не просто заметили. Её уже опознали, обсудили и внесли в устную базу жильцов дома. В России это называлось бы «обсуждать человека в его присутствии».

В Неаполе, как она поняла, это называлось «приветствовать человека всем домом в его присутствии».

Телефон Марины звякнул, оповещая о входящем сообщении. Оно было от дочери:

«Мама, я задерживаюсь, извини. Буду дома только к вечеру. Запасной ключ от квартиры возьми у синьоры Аннунциаты. Она живёт на втором этаже, дверь справа. Я её предупредила, что ты сегодня приедешь.

И не пугайся дома. Это настоящий Неаполь! Все здесь живут как одна большая семья».

Через минуту в подъезде щёлкнул замок, скрипнули петли, тяжёлая дверь открылась, и во двор вышла та самая синьора, которая махала ей рукой.

Вблизи она оказалась ещё элегантнее. Невысокая, сухощавая, с прямой осанкой, красивой укладкой и аккуратной помадой на губах – не ярко-вульгарной, а мягкого благородного оттенка, который не спорит с возрастом, а красиво с ним договаривается, придавая лицу ухоженность.

На ней было простое домашнее платье, но держалась она так, будто элегантность зависела не от ткани и не от места проживания, а от того, как человек несёт себя в мир.

И во всём её образе читалось простое правило: «Я вышла к людям — значит, должна выглядеть достойно».

Не нарядно. Не дорого.

А именно достойно: так, чтобы самой не было стыдно за своё отражение.

И не только в праздник, не только «по случаю», а каждый день!

Это правило не имеет ничего общего с тщеславием. Тщеславие требует зрителей.

А здесь просто дисциплина уважения к себе.

Привычка не распускать себя, не выходить в мир растрёпанной, не превращать возраст в оправдание: «Какая теперь разница»

Разница была.

Прежде всего — ей самой.

Это не красота для праздника. Это - красота будней. Не для мужчин, не для соседей, не для чужой оценки, а потому что иначе нельзя.

Марина смотрела на неё и думала: вот она, настоящая элегантность. Не та, которую покупают в дорогом бутике, а та, которую годами вырабатывают в себе — осанкой, привычкой, вниманием к деталям и внутренним запретом исчезать.

Эта женщина не спорила со старостью. Она просто не позволяла старости говорить за себя всё.

Да, в её серебряных волосах был виден возраст.

Зато в прямой спине проявлялось достоинство.

В аккуратной помаде — привычка ухаживать за собой.

А в красном бюстгальтере, сушившемся рядом с чёрным платьем и кружевной шалью, было странное равновесие возраста и дерзости: чёрное платье напоминало о прожитом, кружево — о хрупкости и нежности, а красный цвет — о том, что жизнь всё ещё продолжается.

Так что возраст был виден, но не выглядел поражением.

— Добрый день, дорогая, — улыбнулась она, подходя к Марине, и протянула ей сухую, тёплую руку. — Я Аннунциата. Но можешь звать меня просто Нунция.

Марина вспомнила, что многие итальянские женские имена взяты из христианства:

- Annunziata дословно означает **Благовещённая,** — та, которой была возвещена Благая весть. Это имя напрямую связано с праздником Благовещения.

- другое распространенное имя – **Assunta (= Ассунта), переводится как** «Вознесённая» - это связано с **праздником Успением и Взятием Девы Марии на небо.**

- имена Concetta (= Кончетта) — Зачатая

и **Immacolata** (= Иммаколата) — Непорочная, напоминают о Непорочном зачатии Девы Марии;

- имя **Benedetta (= Бенедетта)** — значит Благословенная.

- а красивое имя **Rosaria** (= Розария) — связано с молитвой на чётках Богородице.

Женщина в Италии словно с рождения несла в имени кусочек церковного праздника, молитвы или семейного обета. Она могла сушить бельё на балконе, громко обсуждать новости с соседкой через двор, покупать помидоры на рынке — а в имени у неё всё равно жила молитва.

В России тоже есть нечто похожее, только тише, глубже, привычнее. Если посмотреть в происхождение имён, то:

Наталья связана с Рождеством,

Анастасия — с Воскресением,

Вера, Надежда, Любовь, София звучат как добродетели, как молитва, как тихое напоминание о том, на чём держится душа.

И фамилии **— Рождественский, Воскресенский, Покровский, Успенский, Преображенский —** будто целый церковный календарь, спрятанный в паспортах.

Марина вдруг подумала, что имена похожи на старые дома. Снаружи они могут казаться обыденными, затёртыми, почти незаметными. Но если присмотреться, под слоями повседневности проступает другое: история, молитва, надежда, чья-то любовь и чьё-то желание дать ребёнку не просто имя, а защиту.

Просто в Италии это звучало громче, солнечнее, почти нараспев: **Аннунциата, Ассунта, Кончетта, Розария**.

В России — тише, строже, глубже: **Наталья, Анастасия, Вера, Надежда, Любовь**.

Но смысл похожий.

Глава 8. Тяжелый вес на третий этаж без лифта

Марина успела прочитать объявление на двери подъезда: **«Лифт сломан»**.

Вот теперь Неаполь окончательно вошёл в её жизнь.

До этого были вокзал, такси, разговорчивый водитель, скутеры, бельё над головой и уличный парламент. Всё это ещё можно было считать впечатлениями. Колоритом. Культурной программой.

Но сломанный лифт при чемодане весом с холодильник — это уже была проверка на совместимость. Город сразу переходил от лёгкого флирта к совместному быту.

С чемоданом Марина ошиблась только в одном: она думала, что это её частная собственность, а значит — её личная проблема.

Но в Неаполе личных проблем во дворе не существовало!

Нунция посмотрела на чемодан.

Лицо её изменилось.

Не испугалось — нет. Женщины с такой длинной жизнью не пугаются чемоданов. Они видели свадьбы, похороны, ремонты, отключения воды, семейные скандалы, соседские войны из-за парковки и мужчин, которые говорят: «Сейчас всё починю», — а потом три дня ищут отвёртку.

Чемодан был всего лишь чемоданом.

Большим

Таким большим, что рядом с ним Марина сама чувствовала себя не путешественницей, а сопровождающим лицом при багаже.

Нунция обвела его взглядом с той серьёзностью, с какой полководец оценивает крепость перед штурмом, потом подняла глаза на подъезд и приняла мгновенное решение.

— Джованни! Антонио! — крикнула она вверх так, что голос её, казалось, добрался сразу до всех этажей, включая те, которых в доме не было. — Подойдите сюда на минутку!

Марина напряглась. Она не привыкла, что её проблемы так быстро становились общественным мероприятием.

— Нет-нет, не надо! Я сама, — быстро сказала она.

Это был не ответ. Это был рефлекс, годами выработанный, почти телесный:

- не просить,
- не мешать,
- не показывать, что тяжело.

Справиться самой. Доказать, что ты сильная.

Не создавать никому неудобства.

Не быть той женщиной, из-за которой другие должны напрягаться.

Откуда это взялось? Марина уже и сама толком не помнила.

— Может быть, из детства, где похвала доставалась не за просьбы, а за самостоятельность: «Молодец, сама справилась», «Не ной!».

— Может быть, из взрослой жизни, где женщина должна была всё успевать, всё выдерживать, всё тащить — детей, работу, дом, покупки, чужие настроения и собственную усталость.

— Может быть, из брака, где просить помощи означало заранее готовиться к объяснениям, почему тебе действительно трудно, а не просто «кажется».

Со временем просьба стала казаться чем-то опасным.

Попросишь — и тебе откажут.

Попросишь — и окажешься зависимой.

Попросишь — и увидят, что ты не справляешься. Значит, с тобой что-то не так. Значит, ты слабая. Значит, тебя можно пожалеть, осудить, отодвинуть, назвать капризной, беспомощной, неудобной. Сильную женщину уважают. Слабую — терпят.

Так, по крайней мере, казалось Марине.

И она много лет старалась быть сильной.

Даже тогда, когда никто этого от неё не требовал.

Даже тогда, когда сила уже давно перестала быть достоинством и стала привычкой молча надрываться.

Марина очень боялась не справиться — особенно теперь, когда тело перестало быть прежним, послушным и надёжным. Лишний вес, усталость и менопауза сделали её уязвимой именно там, где она привыкла быть крепкой.

Раньше она могла сказать: «Я сама» — и правда сама поднять, донести, выдержать, решить. Теперь это «я сама» всё чаще означало совсем другое: «Я надорвусь, но не признаюсь».

Но признаться было труднее, чем надорваться

Нунция посмотрела на неё так, как смотрят на человека, который сказал что-то трогательное, но совершенно не имеющее отношения к реальности.

Потом авторитетно подняла палец.

— Нет, дорогая. Хватит этого я сама. Здесь делают вместе! Позволь помочь.

Нунция смотрела на неё спокойно. Не жалостливо. Не снисходительно.

А так, будто помощь — это не приговор слабости, а обычный порядок жизни. Есть чемодан. Есть лестница. Есть люди. Значит, люди поднимут чемодан.

Всё просто.

Это в Мариниой голове помощь была экзаменом на несостоятельность.

А в этом дворе помощь была просто частью дыхания дома.

Марина согласно кивнула и опустила глаза на чемодан.

Он стоял между ними — огромный, тяжёлый, упрямый. В нём были подарки для Лизы, гречка, чай, носки, лекарства «на всякий случай», несколько банок варенья, которые Марина сама себе обещала не брать, но всё равно взяла, потому что «ребёнку нужен мед и малина при простуде».

В общем, там была не просто одежда. Там была вся её материнская тревога, аккуратно упакованная по отделениям.

И вдруг Марина с неприятной ясностью подумала, что чемодан — не единственный лишний вес, который она привезла с собой в Неаполь.

Был ещё другой. Тот, который нельзя было сдать в багаж, оставить у таксиста или попросить Джованни с Антонио поднять на третий этаж.

Её собственный вес. С ним было сложнее

Тело, за последние два года стало жить по каким-то новым законам, не спросив у неё предварительного разрешения.

Сначала оно перестало спать нормально.

Потом начало отекать.

Потом талия, всегда более-менее понятная и договороспособная, вдруг исчезла, как друг, занявший денег. Весы показывали цифры, которые Марина сначала считала ошибкой, потом временным недоразумением, потом личным оскорблением.

Менопауза началась у неё в 48 — без предупреждения, без инструкции и без возможности нажать кнопку «отложить обновление».

Марина вообще не ожидала её в этом возрасте!!!

Она почему-то искренне считала, что менопауза начинается лет в 65, одновременно с пенсией. Всё законно, логично и почти торжественно: женщина идёт на пенсию, тело идёт на пенсию, обе стороны заранее предупреждены, претензий друг к другу не имеют.

А тут — 48!!! Никакой пенсии!!!

Жизнь кипит во всю: работа, дела, дочь, жизнь, планы — и вдруг организм сообщает: «У нас тут смена режима». Причём сообщает не письмом с печатью и не вежливым уведомлением, а бессонницей, отёками, раздражительностью и поплывшей талией :-(((

И вообще, само начало менопаузы Марина представляла себе иначе. Думала это будет красиво. Как в женских журналах: зрелая женщина в белой рубашке сидит у окна, пьёт травяной чай, улыбается лёгкой мудрой улыбкой и спокойно «вступает в новый этап жизни».

Реальность оказалась совершенно другой!!!

Сначала испортился сон.

Потом настроение.

Потом талия.

Потом весы начали показывать такие цифры, будто перешли на эмоциональную систему исчисления: всё громче, драматичнее и больше, чем ожидалось.

И у Марины появилось подозрение, что какой-то недоброжелатель ночью поменял её тело на похожее, но хуже управляемое.

Вроде бы её. Но не совсем Кнопки те же, а реакции другие.

Уже год она принимала гормонозаместительную терапию и честно надеялась, что организм наконец вспомнит прежние правила приличия.

Но прежняя Марина не возвращалась целиком — только частями, как багаж после сложного перелёта: сон немного нашёлся, настроение тоже, а талия, похоже, всё ещё числилась потерянной.

Марина пыталась худеть. Честно, пыталась. Она была взрослой женщиной с интернетом, силой воли и коллекцией сохранённых меню, которые начинались словами: «Простой план на 14 дней».

В январе она записала в дневник: «К лету надо похудеть на 6 кг».

В апреле, проявив мужество и редкое чувство юмора, дописала: «Отлично. Осталось 11 кг».

После этого дневник она открывала реже. В основном чтобы вложить туда новый список продуктов, новую таблицу питания или очередную решительную фразу: «С понедельника начинаю».

Понедельников было много. Начал — меньше

Она знала, что лишний вес не был трагедией. Умом знала. Никто от этого не умер, никто не перестал быть человеком, женщиной, матерью, личностью. Она сама могла бы сказать это другой женщине — мягко, разумно, с сочувствием.

Но к себе это почему-то не применялось.

На других женщинах возраст выглядел естественно. На себе — как поражение.

На других лишние килограммы могли быть «формами», «мягкостью», «периодом жизни».

На себе — доказательством того, что она распустилась, не справилась, потеряла контроль

И самое обидное было даже не в весе.

А в усталости.

Раньше тело было союзником. Не идеальным, не модельным, но своим. Оно шло, неся сумки. Поднималось по лестнице. Делало дела. Терпело. Помогало.

Теперь оно всё чаще требовало переговоров.

Перед лестницей надо было подумать.

Перед долгой прогулкой — оценить обувь.

Перед зеркалом — собраться с духом.

Перед фотографией — втянуть живот, повернуться боком, найти свет, который не выдаст всё сразу.

Марина поймала себя на том, что даже сейчас, во дворе чужого неаполитанского дома, среди людей, которые думали только о том, как поднять её чемодан, она думала о другом: как она выглядит.

Не слишком ли полная?

Не тяжело ли ей будет идти за ними по лестнице?

Не заметят ли, что она запыхалась?

Не решат ли, что русская мама привезла в Неаполь не только огромный чемодан, но и всё, что сама не смогла сбросить за последние 2 года?

Эта мысль была глупой, злой и очень знакомой.

Марина вдруг подумала, что лишний вес — это не только килограммы.

Это ещё и постоянная внутренняя бухгалтерия стыда:

— Сколько можно съесть? — Как сесть? — Как встать? — Как выглядеть? — Что подумают? — Куда деть руки? — Куда деть живот? — Куда деть себя целиком, если ты больше не помещаешься в прежнее представление о себе?

Но вдруг Марина заметила странную вещь: никто вокруг не думал о её теле.

Нунция не смотрела на её живот. Женщина на балконе не считала её килограммы. Мужчина в майке не решал, достаточно ли она стройная, чтобы заслужить помощь.

Они видели другое: Чемодан. Лестницу. Сломанный лифт.

И женщину, которой нужно подняться наверх.

Может быть, люди и правда смотрят на нас проще, чем мы сами на себя. Без внутреннего списка недостатков, без старых обид к собственному телу, без жестокой привычки всё время сравнивать себя с прежней, более лёгкой, более молодой, более удобной версией.

Может быть, чужие глаза не всегда суд. Иногда это просто глаза. А иногда — руки, которые берутся за твой чемодан, чтобы помочь.

И любовь к себе, наверное, начинается не с восторга перед зеркалом и не с победы над всеми килограммами. А с маленького, почти незаметного смягчения внутри:

- перестать смотреть на себя как на ошибку, которую нужно срочно исправить,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.